УДК 101.1:339.9

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.114

# Экономическая война и санкционное принуждение в мировой финансово-экономической системе

**А.А. Ковалев**

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

Статья посвящена экономической войне как форме геополитического противостояния, при которой санкции, финансовые ограничения и контроль над расчётной инфраструктурой становятся самостоятельными средствами внешнеполитического принуждения. В центре исследования находится связь между санкционным воздействием и ответными действиями государств-адресатов. Установлено, что отключение от финансовых систем, секторальные ограничения и экстерриториальное применение национального законодательства ведут к экономическим потерям, изменению торговых маршрутов, развитию альтернативных платёжных каналов и росту неформальных способов обхода ограничений. Обосновывается вывод о том, что широкое применение экономического принуждения ускоряет раздробление мировой экономики на конкурирующие финансовые и технологические центры.

***Ключевые слова**: экономическая война, санкционное принуждение, экономические санкции, международные финансовые расчёты, SWIFT, долларовая финансовая инфраструктура, цифровые валюты центральных банков,криптовалюты, вторичные санкции, обход санкций, финансовая безопасность, мировая экономика.*

## Введение

Применение экономических инструментов как средств геополитического принуждения в начале XXI века существенно изменилось. Если ранее преобладали относительно прямые и медленно действующие меры, прежде всего торговые эмбарго, то затем экономическое воздействие превратилось в гибкий набор рычагов, позволяющий затрагивать отдельные сектора финансовой системы, производственные цепочки, технологии и макроэкономическую стабильность государств. Переход от санкционного режима к экономической войне отражает изменение характера международного противостояния: традиционные военные меры всё чаще дополняются борьбой за контроль над финансовой, транспортной, энергетической и цифровой инфраструктурой глобальной экономики. Финансовые сети, платёжные системы, логистические каналы и технологические стандарты, создававшиеся ради экономического роста и взаимной зависимости рынков, стали самостоятельными средствами политического принуждения.

© Ковалев А.А. 2026

Научная и практическая важность проблемы обусловлена расширением применения ограничительных экономических мер и увеличением их масштаба. Если ранее санкции чаще рассматривались как крайняя мера воздействия на государства, находящиеся в серьёзном противостоянии с ведущими центрами силы, то сегодня они стали привычным инструментом внешнеполитического арсенала крупных держав. Переход от персональных ограничений к секторальным санкциям, а затем к мерам, ориентированным на изоляцию национальных экономик от ключевых звеньев глобальной финансовой системы, свидетельствует о расширении санкционного режима. Отключение банков от системы SWIFT и блокирование резервов центральных банков выходят за пределы привычного понимания санкций и приобретают характер стратегического финансового принуждения. Именно финансовая природа подобного принуждения позволяет обратиться к трудам БеннаСтейла и Роберта Литана, в которых рынки капитала, банковские каналы и трансграничное движение средств рассматриваются как важные ресурсы внешнеполитического влияния [12]. В начале XXI века роль финансовых рычагов заметно возрастает, поскольку сила государства всё чаще определяется не одной военной мощью, а способностью защищать национальную экономику от целенаправленного внешнего воздействия.

Правовая оценка экономических ограничений затруднена из-за отсутствия единых правовых и научных критериев. Устав ООН наделяет Совет Безопасности полномочием принимать меры без применения вооружённой силы, в том числе экономического характера[1]. Однако многие санкционные режимы вводятся отдельными государствами либо коалициями без решения Совета Безопасности ООН, поэтому возникают вопросы о правовой допустимости таких мер, их соответствии принципам суверенного равенства государств и невмешательства. Дополнительную трудность создают новые формы экономического принуждения: компьютерное воздействие на финансовую инфраструктуру, применение криптоактивов при обходе ограничений, а также экстерриториальное действие национальных законов. Международное право пока не даёт исчерпывающих ответов на перечисленные вызовы, вследствие чего политическая целесообразность нередко получает преимущество над общими правовыми принципами. Нравственная проблема коллективного наказания также сохраняет значение: основные издержки ограничительных мер часто несёт гражданское население, а не правящие группы. Переход к адресным санкциям не устраняет вопрос о гуманитарных последствиях.

В научной литературе экономическое принуждение рассматривается по нескольким главным вопросам: результативность санкций, место

[1] Article 41. Chapter VII. Charter of the United Nations // Repertory of Practice of United Nations Organs. URL: https://legal.un.org/repertory/art41.shtml (дата обращения: 12.05.2026).

экономических мер во внешней политике, правовая допустимость ограничений и влияние санкционного давления на мировые хозяйственные связи. Роберт Пейп уделяет главное внимание результативности санкций при достижении конкретных политических целей и приходит к выводу об их ограниченном воздействии, особенно при противостоянии с сильными государствами и политическими режимами, готовыми нести значительные издержки ради сохранения власти[2]. Дэвид Болдуин рассматривает экономическое принуждение шире: как часть государственной стратегии, наряду с дипломатическими, военными и информационными средствами внешней политики. У Болдуина особое внимание уделено цене воздействия, выбору средств, правовой допустимости и нравственной оценке экономических мер [4]. Российские авторы дополняют такую постановку вопроса правовым и экономическим материалом: Р.А. Шепенко и И.В. Рыжкова рассматривают экономические санкции в связи с правом Всемирной торговой организации [2], а М.Р. Сафиуллин, Л.А. Ельшин и М.В. Савеличев показывают, как санкционный режим влияет на мировую торговлю и стимулирует поиск способов противодействия ограничениям [1]. Николас Малдер исследует санкции как экономическое оружие, способное менять не отдельные решения государств, а сам порядок мировой торговли, финансовых расчётов и производственной кооперации [8]. В центре внимания автора находится влияние санкций и ответных мер на прекращение прежних хозяйственных связей, развитие региональных рынков и поиск государствами самостоятельных финансовых и технологических решений.

Цель статьи состоит в раскрытии экономической войны как самостоятельной формы геополитического противостояния, обладающей политико-правовым, финансовым и технологическим содержанием. Работа направлена на исследование экономического принуждения как изменяющейся системы взаимодействий, при которой ограничительные меры вызывают ответные действия государств-адресатов, а затем меняют первоначальные условия применения санкционных инструментов. Основная мысль статьи заключается в том, что масштабное и планомерное применение экономики как оружия чаще ведёт не к изоляции и капитуляции государств-адресатов, а к пересмотру хозяйственной политики, поиску новых партнёров и созданию альтернативных финансовых, торговых и технологических механизмов. В результате глобальное экономическое пространство постепенно утрачивает прежнюю степень взаимной зависимости, а конкурирующие центры хозяйственного и финансового притяжения получают всё более самостоятельную роль.

[2] Pape R.A. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // Belfer Center for Science and International Affairs. URL: https://www.belfercenter.org/publication/why-economic-sanctions-still-do-not-work (дата обращения: 12.05.2026).

Научная новизна работы состоит в предложении теоретического объяснения экономического противостояния как процесса, способного менять правила глобального хозяйственного взаимодействия. Практическая ценность исследования определяется необходимостью учитывать долгосрочные последствия санкционной политики в деятельности государственных органов, финансовых организаций и экспертного сообщества. Статья вносит вклад в дискуссию о способах снижения конфликтности при высокой экономической взаимозависимости государств, поскольку постоянное применение экономического принуждения способно нарушать условия общего развития и снижать уровень международного доверия.

**Санкции как средство массового воздействия, их виды, цели и последствия**

В международных отношениях экономическое принуждение всё чаще используется как средство внешней политики, занимающее промежуточное положение между дипломатическим воздействием и применением военной силы. Термин «санкция» восходит к латинскому *sanctio,* обозначавшему утверждение правового предписания и меру реагирования на нарушение установленного порядка. В современной внешнеполитической практике санкции сохраняют правовую форму, однако по содержанию часто выступают инструментом экономического принуждения. Экономическая война представляет собой форму противостояния, при которой государство-адресат побуждается к изменению поведения за счёт сокращения его финансовых, торговых и технологических возможностей. В отличие от классических военных операций, экономическое принуждение действует косвенно, затрагивая хозяйственную основу национальной мощи, бюджетные возможности государства и уровень благосостояния граждан. Развитие санкционной политики за последние три десятилетия свидетельствует о переходе от широких торговых эмбарго к персональным и секторальным ограничениям в отношении отдельных отраслей, компаний и физических лиц. Российский опыт последних лет показывает, что меры, заявленные как точечные, затронули более широкий круг экономических отношений: отключение ряда банков от SWIFT повлияло на международные расчёты, блокирование резервов Банка России ограничило валютные возможности, экспортный контроль сдержал поставки технологий, а нефтяные ограничения изменили условия внешней торговли. Однако, несмотря на риторику «умных санкций» и персональных ограничений, их последствия нередко затрагивают национальную экономику в целом, порождая вопросы об их реальной результативности, правовой допустимости по международному праву и гуманитарных последствиях.

Экономическое принуждение применялось в международной политике задолго до создания ООН: торговые запреты, морские блокады и ограничения доступа к рынкам использовались как средство влияния на

поведение государств ещё в европейской политике Нового времени. Однако международно-правовой облик санкций сложился после Второй мировой войны, прежде всего в системе ООН. Одним из первых исследователей санкций как средства политического воздействия стал Йохан Галтунг, норвежский социолог, один из основателей научного направления, посвящённого изучению мира и конфликтов. В статье 1967 года, посвящённой санкциям против Родезии, он обосновал ограниченность экономических ограничений как средства достижения политических уступок. Напротив, внешнее принуждение способно повысить поддержку властей внутри страны-адресата, поскольку население начинает воспринимать ограничения как несправедливое воздействие извне [5]. В настоящее время можно выделить несколько основных видов санкций, различающихся по механизму действия и кругу адресатов. Персональные санкции применяются в отношении конкретных физических и юридических лиц, связанных с политическим руководством, силовыми структурами или крупными деловыми группами государства-адресата. К числу таких мер относятся замораживание активов, запрет на въезд и ограничение доступа к международным финансовым услугам. Их назначение состоит в том, чтобы сократить внешние ресурсы правящих групп и повысить издержки проводимого политического курса. Секторальные санкции затрагивают отдельные отрасли экономики, важные для доходов государства, технологического развития и оборонно-промышленного производства: финансы, энергетику, высокие технологии, транспорт, оборонную промышленность. Они выражаются в запрете долгосрочного кредитования, поставок оборудования, технологий, программного обеспечения и профессиональных услуг. Особое место занимают первичные и вторичные санкции. Первичные санкции запрещают гражданам и компаниям государства, вводящего ограничения, вести операции с лицами, организациями или секторами экономики государства-адресата. Вторичные санкции распространяют воздействие на третьи страны, поскольку создают риск введения ограничений в отношении иностранных банков и компаний, продолжающих финансовые или торговые операции с лицами и организациями, уже находящимися под санкционными ограничениями.

Результативность санкционного инструментария оценивается по степени достижения заявленных политических целей: сдерживания, наказания, принуждения к изменению конкретного курса либо смены правящего режима. Эмпирические исследования, в том числе работа Роберта Пейпа Why Economic Sanctions Do Not Work («Почему экономические санкции не работают»), показывают ограниченные возможности санкций при решении масштабных задач принуждения, особенно когда затронуты вопросы национальной безопасности, сохранения власти правящим руководством или сохранения государственного курса [9]. Вероятность успеха выше при ограниченных и достижимых требованиях, эко-

номической зависимости государства-адресата, его политической изоляции, а также при поддержке санкционного режима широкой международной коалицией. Вместе с тем даже частичный успех санкций предполагает учёт социальных и экономических издержек. Ограничительные меры способны нарушать работу рынков, сокращать инвестиции, замедлять технологическое развитие, снижать курс национальной валюты и повышать инфляцию. Они вынуждают менять транспортные и производственные цепочки, увеличивают расходы бизнеса и снижают конкурентоспособность. В долгосрочном плане санкции нередко приводят к хозяйственной замкнутости, снижению деловой активности и утрате доступа к передовым технологиям. Николас Малдер, американский историк международных отношений, в работе The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War («Экономическое оружие: становление санкций как инструмента современной войны») подчёркивает, что последствия санкций по-разному затрагивают группы населения и экономические сектора внутри государства-адресата [8]. Правящие группы и связанные с государством компании часто получают больше возможностей к адаптации, тогда как основная часть издержек ложится на граждан с низкими доходами, городских потребителей, средний класс и работников отраслей, зависящих от внешней торговли и технологий. В результате растёт социальное неравенство, сокращается покупательная способность населения и ухудшается доступ к базовым товарам, даже если продовольствие и лекарства формально выведены из-под ограничений.

Одной из главных нравственных проблем санкционной политики остаются гуманитарные последствия ограничительных мер. Джой Гордон, американский философ и исследователь санкционной политики, автор книги Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions («Невидимая война: Соединённые Штаты и санкции против Ирака»), рассматривает широкие санкционные режимы как форму коллективного наказания, при которой гражданское население несёт издержки политического противостояния между государствами [6]. Иракский случай 1990-х годов занимает особое место в указанной дискуссии. Санкции против Ирака в 1990-е годы стали одним из наиболее известных случаев: ограничения, заявленные как средство воздействия на режим Саддама Хусейна, сопровождались ухудшением гуманитарных показателей. Согласно исследованию ЮНИСЕФ, результаты которого были опубликованы в медицинском журнале The Lancet, в южной и центральной частях Ирака младенческая смертность выросла с 47 на 1000 живорождений в 1984–1989 гг. до 108 в 1994–1999 гг., а смертность детей до пяти лет – с 56 до 131 на 1000 живорождений. До войны и санкций система здравоохранения охватывала около 97 % городского и 79 % сельского населения, а доступ к безопасной питьевой воде имели около 90 % жителей страны [3]. Иракский случай способствовал переходу к персональным и секторальным санкциям, ориентированным на конкретных должностных лиц, компании

и финансовые активы. Однако даже персональные финансовые ограничения способны вызывать широкие косвенные последствия. Замораживание активов центрального банка и отключение банков от международных платёжных систем затрудняют внешнюю торговлю, расчёты по импортным поставкам и доступ к товарам первой необходимости. Финансовые санкции против банковской системы Ирана в 2010-е годы показали, что формальные разрешения на поставки лекарств, медицинского оборудования и продовольствия не всегда работают на практике: банковские ограничения и опасения поставщиков попасть под вторичные санкции затрудняли поставки лекарств, медицинского оборудования и сырья.

Нормативно-правовое регулирование санкций остаётся сферой правовой неопределённости и научных споров. Санкции, принятые Советом Безопасности ООН на основании главы VII Устава ООН, обладают международно-правовой силой и подлежат исполнению всеми государствами-членами. Однако многие современные ограничительные режимы вводятся отдельными государствами либо объединениями государств, прежде всего США и Европейским союзом, на основании внутреннего права. В связи с этим возникает проблема экстерриториального действия национальных санкционных актов. Закон США Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (Public Law 115-44, «О противодействии противникам Америки посредством санкций») закрепляет меры в отношении Ирана, России и КНДР и влияет на поведение иностранных компаний и банков, поскольку доступ к американскому рынку и долларовой финансовой системе нередко зависит от соблюдения санкционных требований США[3]. В юридической литературе экстерриториальные санкции рассматриваются как спорная практика: отмечается, что они затрагивают суверенитет государств и ставят вопросы о соответствии принципу невмешательства [10]. Европейский союз, стремясь снизить зависимость европейских компаний от экстерриториальных санкций третьих стран, применяет Регламент Совета (ЕС) № 2271/96 от 22 ноября 1996 года о защите от последствий экстерриториального применения законодательства, принятого третьей страной, а также от действий, основанных на нём или вытекающих из него, направленный на защиту операторов ЕС от последствий применения соответствующих иностранных актов[4].

[3]Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. Public Law 115–44, as amended through P.L. 117–81, enacted December 27, 2021 // GovInfo. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-13726/pdf/COMPS-13726.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

[4]Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom. Consolidated version of 07.08.2018 // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/2018-08-07/eng (дата обращения: 19.05.2026).

Санкции обладают экономическим и политико-психологическим воздействием. Помимо прямых финансовых потерь, они обозначают внешнюю изоляцию политического руководства государства-адресата и рассчитаны на изменение отношения к нему внутри страны и за рубежом. Инициаторы ограничений стремятся показать власть нарушителем международных правил и снизить доверие к проводимому курсу. Однако внутриполитический результат нередко оказывается иным. Руководство государства-адресата может представить санкции как проявление враждебной политики извне, усилить контроль над политической сферой и направить недовольство граждан против внешнего противника. В результате ограничения становятся удобным объяснением экономических неудач и позволяют власти сохранять прежний курс. Одновременно санкции расширяют неофициальные каналы торговли, расчётов и поставок, повышают роль посредников, коррупционных практик и теневых коммерческих соглашений.

**Финансовые инструменты принуждения от SWIFT до криптовалют**

В XXI веке экономическое противостояние всё заметнее смещается в финансовую сферу. Здесь ограничительные меры действуют быстрее, чем торговые запреты, и способны сразу затрагивать расчёты государства, банков, компаний и граждан. Финансовые меры бьют по платёжным каналам, обмену банковскими сообщениями, валютной ликвидности и доступу к международной расчётной инфраструктуре.Особоезначениеприобреласистема SWIFT, официальноименуемая Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication. SWIFT является кооперативной организацией и ведущим поставщиком безопасных финансовых сообщений, а не платёжной системой в узком смысле. Однако прекращение доступа к её сети резко осложняет получение иностранной валюты, перевод активов за рубеж и проведение международных операций. Именно поэтому отключение банков от SWIFT стало одним из наиболее заметных средств финансового принуждения в санкционной политике. Одновременно государства развивают способы снижения зависимости от западной финансовой инфраструктуры: национальные и региональные платёжные каналы, прямые расчёты в национальных валютах, клиринговые механизмы, бартерные сделки, а также цифровые валюты центральных банков и криптоактивы. По данным Банка международных расчётов, в 2024 году 91 % из 93 центральных банков, участвовавших в исследовании, изучали розничные или оптовые цифровые валюты центральных банков[5]. В результате финансовое противостояние всё чаще принимает

[5]Illes A., Kosse A., Wierts P. Advancing in Tandem: Results of the 2024 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto // Bank for International Settlements. 22.08.2025. URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap159.htm (дата обращения: 12.05.2026).

вид технологической и институциональной конкуренции между санкционным ограничением доступа к глобальным расчётам и стремлением государств обеспечить независимость внешних платежей.

Система SWIFT была создана в 1973 году как кооперативная организация банков и стала глобальным поставщиком защищённых финансовых сообщений. По сведениям SWIFT, сеть объединяет более 11 тыс. банков, финансовых организаций и компаний более чем в 200 странах и территориях. SWIFT не переводит денежные средства и не контролирует сами финансовые операции, однако обеспечивает единый стандарт обмена сообщениями, без которого международные межбанковские расчёты были бы значительно медленнее и дороже[6]. В марте 2012 года, после решения Совета ЕС, SWIFT прекратила предоставление услуг иранским финансовым организациям, находившимся под санкциями Европейского союза[7]. Организация подчёркивала обязанность соблюдать нормы ЕС как организация бельгийского права. Иранский случай показал: даже техническая инфраструктура, заявленная как нейтральная, при санкционном решении способна получить политическое значение. Мера затрудняет внешнеторговые расчёты, получение валютной выручки, взаимодействие с иностранными контрагентами и обслуживание трансграничных платежей. Международная практика даёт ряд показательных случаев: в 2012 году услуги SWIFT были прекращены иранским финансовым организациям, позднее ограничения затронули Центральный банк Ирана, а в 2017 году доступ к системе был закрыт северокорейским банкам Bank of East Land, Korea Daesong Bank и Korea Kwangson Banking Corp. Отключение от SWIFT стало восприниматься как одна из самых жёстких мер финансового принуждения, однако её применение несёт риски и для мировой финансовой системы: государства начинают развивать альтернативные каналы расчётов, снижать зависимость от долларовой инфраструктуры и искать собственные платёжные решения.

Более распространённым средством воздействия остаётся использование положения доллара США как ведущей резервной и расчётной валюты. Значительная часть долларовых операций требует участия американских банков-корреспондентов либо инфраструктуры долларового клиринга. Особое место занимает CHIPS (Clearing House Interbank Payments System, «Межбанковская платёжная система Клиринговой палаты»), крупнейшая частная сеть клиринга и расчётов в долларах США,

[6] Swift and Sanctions // Swift. URL: https://www.swift.com/about-us/legal/compliance-0/swift-and-sanctions (датаобращения: 12.05.2026).
[7] Swift Instructed to Disconnect Sanctioned Iranian Banks Following EU Council Decision // Swift. 15.03.2012. URL: https://www.swift.com/insights/press-releases/swift-instructed-to-disconnect-sanctioned-iranian-banks-following-eu-council-decision (дата обращения: 12.05.2026).

ежедневно обрабатывающая около 2,2 трлн долларов внутренних и международных платежей[8]. Ключевую роль в санкционной политике США играют U.S. Department of the Treasury («Министерство финансов США») и его Office of Foreign Assets Control («Управление по контролю за иностранными активами», OFAC). OFAC публикует санкционные списки, разъяснения и сообщения о штрафах, задавая участникам финансового рынка правила работы с лицами и организациями, находящимися под ограничениями. Иностранные банки учитывают риск штрафов, вторичных ограничений и утраты доступа к долларовым расчётам, поэтому часто проводят более строгую проверку операций, чем прямо требуется санкционными актами. В результате блокируются даже разрешённые платежи, если банк видит юридический, репутационный или коммерческий риск.

Зависимость от долларовой и западной финансовой инфраструктуры побуждает ряд государств развивать альтернативные каналы платежей и обмена финансовыми сообщениями. Наиболее заметным примером служит китайская CIPS (Cross-Border Interbank Payment System, «Система трансграничных межбанковских платежей»), которая начала работу 8 октября 2015 года под надзором Народного банка Китая[9]. CIPS не является полным аналогом SWIFT, поскольку специализируется на клиринге и расчётах по трансграничным операциям в юанях. При этом сотрудничество CIPS и SWIFT сохраняет значение: в 2016 году стороны подписали меморандум о применении инфраструктуры SWIFT как надёжного канала связи CIPS с мировой финансовой сетью[10]. Продвижение CIPS ориентировано на расширение международного использования юаня, обслуживание внешней торговли Китая и расчёты со странами, участвующими в инициативе «Один пояс, один путь». В России с 2014 года более активно развивалась Система передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), которая выступает защищённым каналом обмена электронными сообщениями по финансовым операциям и работает круглосуточно. Банк России сообщает, что иностранные пользователи могут подключаться к СПФС напрямую либо при помощи сервисного бюро. Такие системы пока уступают SWIFT по масштабу, числу участников и универсальности, однако создают основу региональной самостоятельности расчётов в кризисных условиях. Их возможности ограничены сетевым характером финансовой инфраструктуры: ценность платёжной

[8] CHIPS // The Clearing House. URL: https://www.theclearinghouse.org/payment-systems/CHIPS (датаобращения: 12.05.2026).

[9] Introduction // Cross-Border Interbank Payment System. URL: https://www.cips.com.cn/en/about_us/about_cips/introduction/index.html (дата обращения: 12.05.2026).

[10] Swift Offers Secure Financial Messaging Services to CIPS // Swift. 25.03.2016. URL: https://www.swift.com/news-events/press-releases/swift-offers-secure-financial-messaging-services-cips (дата обращения: 12.05.2026).

системы зависит от числа участников, объёма операций, доверия банков и признания расчётной валюты. Поэтому государства, находящиеся под санкционным воздействием, наряду с новыми платёжными каналами используют бартерные сделки, расчёты в национальных валютах и посредников втретьих странах.

Сфера цифровых активов стала одним из наиболее спорных направлений финансового противостояния. Криптовалюты, прежде всего Bitcoin и Monero, благодаря децентрализованной архитектуре, псевдонимному характеру операций и трансграничному обороту без участия обычной банковской инфраструктуры нередко рассматриваются как возможное средство обхода финансовых ограничений. Теоретически государство, находящееся под санкционными ограничениями, или компания, попавшая под санкции, могут принимать оплату за экспорт в криптовалюте, затем использовать цифровые активы при закупке необходимых товаров либо обменивать их на обычные валюты на биржах в нейтральных юрисдикциях. На практике возможность подобного использования ограничена рядом факторов. Публичные блокчейны большинства криптовалют сохраняют доступную для анализа историю операций: платежи привязаны к цифровым адресам, а не к именам владельцев, однако аналитические инструменты позволяют с высокой вероятностью установить связь адресов с конкретными лицами, биржами, сервисами и организациями, находящимися под санкционными ограничениями. Поэтому криптовалюты не дают полной анонимности и не снимают риск санкционного контроля, особенно при выводе средств на регулируемые торговые площадки или при контакте с банковской системой. Дополнительным ограничением остаётся ликвидность: расчёты по крупным экспортным контрактам, прежде всего в энергетике, предполагают крупные платежи, способные вызвать ценовые колебания и привлечь внимание аналитических компаний, бирж и надзорных органов. Вместе с тем цифровые активы могут применяться при небольших переводах, закупке отдельных компонентов и финансировании локальных коммерческих сделок, где объём платежей ниже, а требования к доступу к банковской инфраструктуре выше.

В ответ на санкционные риски государства всё активнее изучают выпуск цифровых валют центральных банков. Цифровая валюта центрального банка представляет собой цифровую форму национальных денег, эмитируемую денежными властями и обеспеченную государством. Её развитие связано с повышением скорости платежей, снижением расчётных расходов, расширением контроля над денежным обращением и поиском новых каналов трансграничных расчётов. При этом цифровые валюты центральных банков не следует рассматривать как полностью скрытый или недосягаемый канал обхода санкций: их применение зависит от правового режима, участия банков, правил доступа, технической архитектуры и требований финансового контроля. Китайский цифровой

юань занимает особое место, поскольку КНР проводит один из крупнейших пилотных проектов в данной сфере. Народный банк Китая указывает, что e-CNY ориентирован прежде всего на внутренние розничные платежи, но одновременно изучается его применение в трансграничных расчётах[11]. Проект mBridge исследует модель общей платформы нескольких центральных и коммерческих банков, основанной на технологии распределённого реестра и обеспечивающей мгновенные трансграничные платежи и расчёты. В середине 2024 года проект был доведён до уровня опытной рабочей версии, однако Банк международных расчётов подчёркивал его экспериментальный характер и необходимость соблюдения правовых требований. Поэтому цифровые валюты центральных банков могут снижать зависимость от долларовых расчётов, американских банков-корреспондентов и сети SWIFT, но не устраняют полностью вопросы санкционного контроля, доверия участников, совместимости правовых режимов и международного признания расчётной валюты. Барри Эйхенгрин, американский экономист и историк экономики, профессор экономики и политологии Калифорнийского университета в Беркли, специалист по международной валютно-финансовой системе, обращает внимание на иную сторону проблемы: цифровые валюты центральных банков ставят перед государством выбор между конфиденциальностью операций и финансовой стабильностью[12]. Чем выше контроль государства над цифровыми платежами, тем сложнее обеспечить защиту частной жизни, правовые границы контроля операций граждан и недопущение произвольного программирования денежных средств.

**Экономическая адаптация государства при внешнем принуждении**

Расширение и усиление практики внешнего экономического принуждения стимулируют разработку ответных мер, направленных на снижение воздействия санкций и финансовых ограничений. Ответные меры предполагают изменение структуры национальных экономик и внешнеэкономических связей, а также уменьшение зависимости от финансовых, технологических и торговых каналов, используемых для нанесения основного ущерба. Адаптация развивается на официальном и неформальном уровнях, затрагивая макроэкономическую политику, структуру торговли, финансовые технологии и социальные практики. Анализ ответных действий показывает не пассивную реакцию на внешние ограничения, а поиск новых хозяйственных решений, при котором государства-адре-

[11] E-CNY: Main Objectives, Guiding Principles and Inclusion Considerations // Bank for International Settlements. URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap123_e.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

[12] Eichengreen B. The Trilemma of Central Bank Digital Currencies // Project Syndicate. 09.11.2022. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/flawed-assumptions-driving-race-for-cbdcs-by-barry-eichengreen-2022-11 (дата обращения: 12.05.2026).

саты используют изменения мировой экономики, технологическое развитие и новые институциональные механизмы ради создания резервных каналов расчётов, поставок и внешней торговли.

Одним из главных официальных ответов на санкционное воздействие становится развитие разных отраслей экономики и импортозамещение в критически важных сферах. Такая политика имеет долгую историю, однако в условиях санкций получает вынужденный и ускоренный характер. Её цель состоит в создании производственного резерва: способности выпускать либо быстро осваивать товары, оборудование и технологии, доступ к которым может быть ограничен извне. Показательным случаем выступает Иран, где многолетние ограничения не остановили развитие ядерной программы и ракетных технологий, хотя одновременно повысили стоимость работ и затруднили получение передовых компонентов. РикардоХаусманн, венесуэльский экономист, специалист по экономическому развитию и один из авторов концепции экономической сложности, подчёркивает: производство сложной продукции требует накопленного производственного знания, квалифицированных кадров, инженерных школ, поставщиков, исследовательских центров и качественных институтов [7]. Быстро сформировать необходимую промышленную, научную и кадровую базу крайне трудно. По этой причине санкции нередко приводят к выпуску более дорогих и менее совершенных аналогов, а в долгосрочном плане снижают конкурентоспособность и усиливают технологическое отставание. Более действенным направлением становится изменение внешнеторговых связей, поиск новых поставщиков, рынков сбыта и расчётных каналов. После начала специальной военной операции в 2022 году Россия заметно расширила экономическое взаимодействие с Китаем, Индией, Турцией и рядом ближневосточных партнёров: торговля с Китаем достигла рекордных значений, Индия стала одним из главных покупателей российской нефти, а Турция сохранила значимую роль в торговых и транспортных операциях[13].

В финансовой сфере одной из главных задач становится создание платёжно-расчётной инфраструктуры, менее зависимой от западных юрисдикций. Работа ведётся по нескольким направлениям. Первое направление связано с развитием национальных каналов обмена финансовыми сообщениями и трансграничных расчётов. Российская Система передачи финансовых сообщений Банка России обеспечивает защищённый обмен электронными сообщениями по финансовым операциям, работает круглосуточно и допускает подключение иностранных пользователей напрямую. Китайская CIPS, в свою очередь, выступает системой

[13] China Saw Record Trade With Russia in 2024: Customs Data // Barron’s. 13.01.2025. URL: https://www.barrons.com/news/china-saw-record-trade-with-russia-in-2024-customs-data-0e348864 (дата обращения: 12.05.2026).

клиринга и расчётов по трансграничным операциям в юанях[14]. Второе направление связано с расширением расчётов в национальных валютах. В российско-китайской торговле доля рубля и юаня заметно выросла: в мае 2024 года на уровне глав государств указывалось, что на национальные валюты приходится свыше 90 % взаимных расчётов[15]. Третье направление связано с изменением состава резервов: часть государств увеличивает долю золота и иных активов, менее зависимых от санкционных решений западных финансовых центров. Всемирный совет по золоту отмечает, что золото остаётся важной частью резервов центральных банков благодаря его надёжности, ликвидности и роли защитного актива в периоды кризисов. Согласно исследованию Всемирного совета по золоту 2025 года, 95 % центральных банков–участников ожидали роста мировых официальных золотых резервов в ближайшие 12 месяцев, а 43 % планировали увеличить собственные золотые резервы, что стало максимальным показателем за всю историю исследования[16]. Однако достичь полной финансовой самостоятельности крайне трудно: доллар США сохраняет ведущие позиции в международных резервах и расчётах. По сведениям Международного валютного фонда, в IV квартале 2025 года доля доллара США в официальных валютных резервах снизилась до 56,77 % с 56,93 % в III квартале 2025 года[17]. ЗолтанПозсар, финансовый аналитик и специалист по денежным рынкам, в материалах о BrettonWoods III («Бреттон-Вудс III») отмечал, что замораживание российских резервов изменило восприятие долларовых активов как безусловно надёжного средства хранения стоимости[18]. По его оценке, после блокировки резервов России казначейские облигации США стали рассматриваться как активы с риском конфискации, а государства, допускающие возможность санкционного воздействия, получили дополнительный мотив переводить часть резервов в золото, сырьевые активы и иные формы хранения стоимости. Альтернативные платёжные системы сталкиваются с ограниченным числом участников, недостаточной ликвидностью и осторожностью

[14] Financial Messaging System of the Bank of Russia // Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/eng/development/mcirabis/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения: 12.05.2026).
[15] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Президент России. 16.05.2024. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/74049 (датаобращения: 12.05.2026).
[16] Central Bank Gold Reserves Survey 2025 // World Gold Council. 17.06.2025. URL: https://www.gold.org/goldhub/research/central-bank-gold-reserves-survey-2025 (дата обращения: 19.05.2026).
[17] IMF Data Brief: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves // IMF Data. 27.03.2026. URL: https://data.imf.org/en/news/imf%20data%20brief%20march%2027 (дата обращения: 19.05.2026).
[18] Pozsar Z. Bretton Woods III // Credit Suisse Economics. 07.03.2022. URL: https://static.bullionstar.com/blogs/uploads/2022/03/Bretton-Woods-III-Zoltan-Pozsar.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

третьих стран, заинтересованных в сохранении доступа к крупным западным финансовым рынкам. Поэтому развитие новых расчётных каналов уменьшает зависимость от прежней инфраструктуры, но пока не отменяет преимущества доллара и западных финансовых площадок.

Строгие санкции создают сильные экономические стимулы для использования посреднических компаний в нейтральных юрисдикциях, недостоверных товарных документов, изменения кодов продукции при таможенном оформлении, перегрузки нефти в море и отключения судовых транспондеров. Такие способы обхода санкций повышают роль транснациональной преступности, коррупционных посредников и непрозрачных торговых каналов. Луиза Шелли, исследующая связь незаконной экономики, транснациональной преступности и коррупции, показывает, что ограничительные меры и криминальные рынки нередко образуют общую среду, где политические запреты создают спрос на посредников, поддельные документы и скрытые расчёты [11]. Государства –адресаты санкций могут молчаливо допускать такие действия либо содействовать им, используя государственные компании, дипломатические каналы и подконтрольные торговые структуры. Показательным случаем стала венесуэльская нефтяная компания PDVSA. После усиления американских санкций поставки венесуэльской нефти всё чаще шли с участием посредников, иностранных трейдеров, переоформления партий, перегрузки в море и маршрутов в Азию[19]. Позднее Министерство финансов США сообщило о посреднических сетях, помогавших PDVSA организовывать перепродажу венесуэльской нефти при участии компаний LibreAbordo и SchlagerBusinessGroup. Краткосрочно такие механизмы позволяют сохранить часть экспортных доходов, однако в длительном периоде они ухудшают качество правового регулирования, усиливают коррупционные связи, повышают отток капитала и создают привилегии для узкого круга посредников. В результате государство получает не полноценную экономическую самостоятельность, а зависимость от закрытых каналов торговли и расчётов, что снижает прозрачность хозяйственной политики и повышает стоимость внешнеэкономических операций.

**Заключение**

Проведённый анализ экономической войны как инструмента современной геополитики позволяет сформулировать выводы, выходящие за пределы оценки отдельных санкционных режимов и затрагивающие изменение характера международного противостояния и мирового хозяйственного порядка. Ключевое положение состоит в признании экономического принуждения самостоятельной, длительной и интенсивной

[19] Treasury Targets Russian Oil Brokerage Firm for Supporting Illegitimate Maduro Regime // U.S. Department of the Treasury. 18.02.2020. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm909 (дата обращения: 12.05.2026).

формой противостояния, способной наносить масштабный ущерб финансовой системе, производственным цепочкам, технологическому развитию и социальной сфере государства-адресата. Вместе с тем результативность экономического принуждения не носит прямого и гарантированного характера. Чем шире и строже применяемые меры, тем активнее государство-адресат развивает ответные механизмы: меняет торговые связи, создаёт альтернативные платёжные каналы, ищет новых поставщиков и перестраивает хозяйственную политику. В долгосрочном плане санкционные меры способны менять порядок мировой экономики, повышая роль конкурирующих центров финансового, технологического и торгового притяжения.

Во-первых, финансовая и технологическая инфраструктура глобализации, первоначально создававшаяся как нейтральная основа роста благосостояния, всё чаще используется как средство стратегического принуждения. Контроль над системами обмена финансовыми сообщениями, прежде всего SWIFT, долларовым клирингом и цепочками поставок критически важных технологий даёт инициаторам санкций широкие возможности быстрого и адресного воздействия. Однако именно высокая действенность таких мер ускоряет деглобализацию и разделение мировой экономики на конкурирующие центры. Риск отключения от глобальных систем побуждает государства и региональные объединения создавать резервные финансовые, расчётные и технологические механизмы. В результате инструмент, рассчитанный на сохранение преимущества одного центра силы, способствует формированию полицентричного и менее взаимозависимого мирового хозяйства. Зависимость от решений одного центра снижается, однако возрастают транзакционные расходы, усложняются расчёты, удлиняются цепочки поставок и падает общая эффективность международного экономического обмена.

Во-вторых, способность государства выдерживать санкционное воздействие не дана экономике изначально, а вырабатывается за счёт последовательного изменения хозяйственной политики и внешнеэкономических связей. Эффективное противодействие требует не простого протекционизма, а сочетания официальных мер, среди которых импортозамещение, расширение круга торговых партнёров, накопление резервов и развитие самостоятельных расчётных каналов, с неформальными способами сохранения внешней торговли. В результате возникают смешанные экономические модели, в которых легальные операции используются наряду с посредническими поставками, частные интересы влияют на исполнение государственных решений, а национальные меры зависят от трансграничных торговых сетей. Экономическая война меняет не только распределение ресурсов между государствами, но и их внутреннюю институциональную и социальную среду, причём такие изменения часто расходятся с заявленными целями инициаторов санкций, связанными с поддержкой демократии и верховенства права.

В-третьих, широкие санкционные режимы часто перекладывают основную часть издержек межгосударственного противостояния на гражданское население. Тем самым возникает противоречие с принципами гуманитарной защиты и уважения основных прав человека. Экстерриториальное действие односторонних мер повышает правовую неопределённость: санкционные акты одного государства начинают влиять на решения компаний и банков за рубежом, создавая конфликт юрисдикций и ставя вопрос о границах суверенного равенства государств. При неясных и неравных правилах ограничительные меры нередко воспринимаются не как правовой механизм, а как проявление силового преимущества.

В-четвёртых, государства, находящиеся под санкциями, рассматривают цифровые валюты центральных банков как средство повышения независимости расчётов, а криптовалюты и стейблкоины как ограниченный канал обхода финансовых запретов. Одновременно инициаторы санкций получают дополнительные средства проверки операций, выявления обходных платежей и контроля движения средств. Банки, биржи, платёжные сервисы и расчётные платформы оказываются более уязвимыми перед кибервоздействием.

Широкое применение экономического принуждения меняет мировой порядок. Глобальная экономика постепенно переходит от прежней модели тесной взаимной зависимости к системе конкурирующих взаимозависимостей и разделённых хозяйственных блоков. Экономическая война утрачивает характер исключительной меры и всё чаще становится обычным состоянием международных отношений, при котором санкции и ответные ограничения, запреты и способы их обхода закрепляются в практиках внешней политики и мировой торговли. Такой процесс способен привести к замедлению глобального экономического роста, повышению рисков для бизнеса, обострению ресурсной и технологической конкуренции. Главная задача международного сообщества состоит не в создании новых средств экономического принуждения, а в ограничении перехода к постоянной экономической конфронтации. В мире высокой взаимной зависимости долгосрочная безопасность не может основываться на целенаправленном ослаблении экономик друг друга. Философия глобальной справедливости требует перехода от наказания и принуждения к управлению системными рисками, правовому ограничению санкционной политики и поиску форм мирного сосуществования при сохраняющейся конкуренции.

## Список литературы

1. Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А., Савеличев М.В. Теория санкций и опыт преодоления санкционного режима (на примере КНДР) // Экономические отношения. 2024. Т. 14, № 3. С. 537–558.

2. Шепенко Р.А., Рыжкова И.В. Экономические санкции и право ВТО // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 123–132. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).С. 123–132.
3. Ali M.M., Shah I.H. Sanctions and childhood mortality in Iraq // The Lancet. 2000. Vol. 355, № 9218. P. 1851–1857.
4. Baldwin D.A. Economic Statecraft. Princeton: Princeton University Press, 1985. 409 p.
5. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19, № 3. P. 378–416.
6. Gordon J. Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 359 p.
7. Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S., Coscia M., Simoes A., Yildirim M.A. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 368 p.
8. Mulder N. The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven: Yale University Press, 2022. 448 p.
9. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. 1997. Vol. 22, № 2. P. 90–136.
10. Schmidt J. The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law // Journal of Conflict and Security Law. 2022. Vol. 27, № 1. P. 53–81.
11. Shelley L.I. Illicit Trade and Terrorism // Perspectives on Terrorism. 2020. Vol. 14, № 4. P. 7–20.
12. Steil B., Litan R.E. Financial Statecraft: The Role of Financial Markets in American Foreign Policy. New Haven: Yale University Press, 2008. 224 p.

## Economic warfare and sanctions coercion in the global financial and economic system

**A.A. Kovalev**

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

The article is devoted to economic warfare as a form of geopolitical confrontation in which sanctions, financial restrictions and control over the settlement infrastructure become independent means of foreign policy coercion. The study focuses on the relationship between the impact of sanctions and the retaliatory actions of the recipient States. It has been established that disconnection from financial systems, sectoral restrictions and the extraterritorial application of national legislation lead to economic losses, changes in trade routes, the development of alternative payment channels and the growth of informal ways of circumventing restrictions. The author substantiates the conclusion that the widespread use of economic coercion accelerates the fragmentation of the global economy into competing financial and technological centers.

***Keywords**: economic war; sanctions enforcement; economic sanctions; international financial settlements; SWIFT; dollar financial infrastructure; digital currencies of central banks; cryptocurrencies; secondary sanctions; circumvention of sanctions; financial security; global economy.*

*Об авторе:*

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры ГМУ, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

*Author information:*

KOVALEV Andrey Andreevich – PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of GMU, North-Western Institute of Management – branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 11.06.2026.